

Время Рюриковичей

У-у-у, бесит!

Юльку бесит всё: треснувшие, как чёрствый мякиш, подошвы кед, сдавившая плечо лямка рюкзака, свежий больничий прыщ на лбу. А еще саднящее запястье, и чужой острый запах, и ощущение собственной беспомощности, но главное — стыд-стыд-стыд, от которого так хочется поскорее отмыться.

А, да. И Рюриковичи до кучи.

Наплевав на стремительно намокающие ноги, Юлька шлёпает драными кедами, разбрызгивая отраженное в лужах льдистое мартовское небо.

Дверь открывает мама.

— Привет.

— Угу.

Опротетью в комнату, рюкзак (наконец-то!) — в угол между кроватью и шкафом, школьный кардиган, блузку, брюки — кучками по полу.

Дома пахнет уютно: то ли котлетами, то ли макаронами по-флотски. И от этого почему-то становится ещё обиднее — конечно, всем же до фонаря, как там Юлька в школе, что с ней. И ещё больше подгорает избавиться от налипшего, фантомного уже запаха.

Нет, в душ. Срочно, срочно в душ.

С толстовкой и трениками наперевес Юлька стучит босыми пятками по коридору и мышкой шмыгает в ванную.

Даже водопровод против нее: то холодная, то горячая.

О, во. Норм.

Вода бьёт по макушке, волосы растекаются по шее, но облегчения почему-то не наблюдается. Закроешь глаза и по новой: «Тихомирова, куда собралась? Такой тупой с такими сиськами одной ходить опасно!»

Гадость. Какая же гадость!

Вот бы как с плохими снами — наговорил на бегущую воду и все смылось, унеслось в канализацию: и голос этот с ломаной хрипотцой, и след на запястье от обветренных пальцев.

И даже Рюриковичи. Эти особенно.

Нафиг вообще эта школа? Ну завалит она ЕГЭ. Ну не поступит. Ну и что? Мама, вон, не работает уже много лет, а она, Юлька, чем хуже? Выйдет за нормального, и будет домохозяйкой.

За что ей все это? Вот за что?

Нос закладывает совершенно предательски: внезапно и насовсем. И тут же заволакивает глаза.

Только этого не хватало. Теперь мама заметит, пристанет: «Что случилось?»

Может, пожаловаться? Без толку... И так понятно, что она скажет: надо к классухе. Или ещё хуже — к школьному психологу. Отцу вообще про такое не расскажешь.

Дашке позвонить? А смысл? Она уже свои соображения сформулировала. Благо, они у нее традиционно лаконичные и не менее традиционно тупые: «Забей».

А завтра опять в школу. И контрольная по истории.

Сквозь шум воды и собственные всхлипы с кухни доносятся глухие, как из-под подушки, родительские голоса.

«... ни слова ей больше не скажу, бу-бу-бу», — концовку не слышно, видимо, отец ходит по квартире.

«Не мучай ни себя, ни её», — мама. Раздраженная какая-то.

Только этого не хватало. Похоже, перемывают дочери кости. Значит, у обоих очередное воспаление воспитательного нерва. Значит, сейчас начнется.

И это они ещё про Рюриковичей не в курсе.

— Юлѐк, тебя там не смыло? Обед готов, — мама.

«Тук-тук-тук» — в дверь.

— Выходи, давай, руки невозможно помыть, — отец.

— Юля!

— Да иду я! Господи...

Треники натягиваться не хотят, липнут к влажным ногам; зато рукава толстовки — супер. Достаточно узкие и длинные, чтобы прикрыть розовый след на бледном запястье. Сто пудов, синяк будет.

Юлька «крабом» собирает на макушке мокрые волосы, открывает дверь. Теперь кажется, что снаружи прохладно, потому что она «напарила». Никому не нравится, когда кто-то «напарил» в ванной, но Юлька и так виновата со всех сторон. Никчемная, бестолковая. Невезучая. Что с такой взять?

Отец уже за столом, наяривает, со спины видно, как движутся уши.

— Садись, — мама берет тарелку, накладывает со сковородки. — Чего не посушилась? Пропахнут волосы.

Картофельная запеканка. С мясом.

— Пофиг.

Лучше уж запеканка, чем въедливый этот недомужской пот, от которого не отмоешься.

— Тебе все пофиг, — отец хмурый, рядом с тарелкой смартфон экраном в стол. — Как в школе?

— Норм. А сметана есть?

— Под носом же.

Сметана, и правда, на столе, но не так уж и рядом. Юлька тянется за банкой.

— Что с рукой? — отец не перестает жевать.

— Это Даша, — Юлька одергивает рукав. — Мяч отнимала на физре.

— У вас ещё физра в одиннадцатом?

— Прикинь?

— А с историей что?

Начина-а-ется.

Юлька размазывает по румяной корочке сметану, спешно закидывает в себя здоровенный кусок запеканки. Ф-ф, горячо!

— Норм, — дышит через рот.

— Ты по-человечески можешь говорить? Пробник сдала?

— Не совсем. Рюриковичи попались.

— И что?

— Пап, я не хочу сдавать историю. Это нереально выучить.

— Детский сад, — отец откладывает вилку. — За три месяца до экзамена спустить всё псу под хвост.

— Что ты прицепился? — встревает мама, неожиданно нарушив все неписанные законы воспитания. — Лучше, если она через пятнадцать лет поймёт, что совершила ошибку?

— Ну, знаешь...

Стол вдруг начинает вибрировать от смартфона, и отец осекается.

— Ответь, — голос у мамы такой приторный, что запеканка во рту кислит. — Это же с работы?

Отец молча гроыхает табуретом и, забрав смартфон, уходит в комнату. Похоже, проблемы не только у Юльки.

— Мам, всё хорошо?

— Норм. Ты наелась?

Мама убирает со стола: звякают о фарфор вилки, выпрыгивает из стакана недопитый компот. Шмякается розовым на бледную столешницу.

Отчего-то зябко.

Юлька натягивает на ладони манжеты толстовки, суёт под себя руки, сутулится.

— Ма, можешь совет?

Сгрузив посуду в мойку, мама вытирает полотенцем руки и прислоняется к шкафу.

— М-м?

— У нас в классе девочку одну...

— Дашу?

— Не. Ты не знаешь. В общем, пацаны её зажимают. Понимаешь?

Мама вздыхает, как на похоронах.

— Понимаю.

— Что делать-то?

— Ухватить между ног и загоготать.

— Ну мам!

— С такими только их же методами.

Юлька смотрит недоверчиво:

— Может, к психологу?

— Зачем? Это же не у девочки... весеннее обострение. Знаешь, Юлёк, можно сходить к психологу, можно даже к директору. Только это ничего не решит. Парни в отместку начнут говорить гадости и смеяться за спиной. И эти смешки прилипнут к тебе... к той девочке вместе с их потными лапами. У них сейчас время такое. Кто-то из них перерастёт.

— Ага, — кривится Юлька, — а кто-то станет насильником.

— Да не.

Происходит неслыханное, чего при Юльке раньше не случалось: вечно считающая калории мама открывает морозилку и достает оттуда бело-розовое литровое ведерко. А из ящика — ложку.

— Кто-то так и останется — мальчиком, — продолжает она, ковырнув полную ложку мороженого. — У одной моей подруги, знаешь... муж два месяца мечется между ней и любовницей. Взрослый вроде мужик. Но — мальчик.

— И что... подруга? — ёжась, спрашивает Юлька.

— Что-что, — мама пожимает плечами и отправляет в себя ещё ложку. — Будет работу искать, время девочек закончилось. Может, погулять сходим? Погода хорошая.

У мамы губы в мороженом, кончик носа в мороженом и даже на кофточке повисла шоколадно-молочная подтаявшая капля.

— Не, — Юлька морщится и закатывает рукава. — Пойду зубрить. Время девочек закончилось. Настало время Рюриковичей.